

По многим приметам, знаменитая сингулярность Р. Курцвейла наступит даже ранее экспоненциальных сроков его пророчеств. Вполне в духе «юридической эпистемологии» непосредственная коммутация «нашпигованного» нанороботами человека с интернетом станет залогом «безупречной», эффективной и всеохватывающей коммуникации каждого с каждым (избранными?). «При дверях» виртуальное «братство» на облачных сервисах с нейрокомпьютерным интерфейсом в контенте бесчисленных гиперссылок («глобального знания»). Продвинутой гуру предвидит и «многообещающую» техногенную мутацию самого человека, во всяком случае в отношении его мозга («расширенного сознания»), что многократно обогатит *homo sapiens* интеллектуально и эмоционально, делает его существом более высокого порядка (и, конечно, сексуальнее)¹. Было бы странно не услышать — со стороны Харибды — призывов к конституционализации и этого техногенного мора². Выводы специалистов, утверждающих, что динамичное развитие искусственного интеллекта неизбежно лишит человечество будущего и «единственный шанс выиграть эту игру — не играть в нее вовсе»³, — кажутся им архаичными.

В завершение отметим еще один раздел упомянутой монографии адептов постклассической методологии. Намерение обосновать приверженность трансцендентной перспективе того «опыта коммуникации», который *называется* правом, доверено здесь *студенту*. Молодости свойственно дерзать. Однако в отношении оксюморона такого целеполагания и ей пришлось положиться на «скорбь и меланхолию по утраченной и никогда не существовавшей справедливости»⁴. Получилось близко к знаменитому «Проселку» М. Хайдеггера. Пожелаем же будущему ученому-юристу «уверовать» в реальность текста национальной Конституции, «существующей» имманентно-трансцендентным образом посредством («для») духовно-солидарной коммуникации российского народа.

Кузнецов Александр Павлович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Нижегородской академии МВД России

Общественная опасность как объект уголовно-правовой науки

Введение в проблему. Уголовно-правовая наука как часть социально-гуманитарной науки получила свое развитие и признание. Она стала объектом не только специалистов — научных работников и практиков, но и широкого круга лиц, участвующих в реализации уголовной политики. В этих условиях возникает насущная потребность в определении ее роли и места в процессе социальных преобразований.

Состояние и реальная оценка уголовно-правовой науки должны проводиться по установлению влияния на социальные процессы, происходящие в обществе, особенно на практическую реализацию уголовно-правового противодействия преступности. В данном случае уголовно-правовая наука определяет стратегические и тактические этапы правотворчества, правоприменения уголовного закона, уголовной политики. Только постоянный мониторинг проводимых научных исследований законотворческой и правоприменительной практики позволит получить исходную информацию о возникающих как общих проблем в области уголовно-правовых отношений, так и частных, конкретизирующих те или иные аспекты уголовной политики.

В связи с происходящими коренными экономическими, политическими преобразованиями, определившими реформирование всех сторон жизнедеятельности страны, возросли роль и значение уголовно-правовой науки в исследовании общественного устройства, государственных

¹ См.: Диамандис П. Рей Курцвейл: К 2030 году наш разум будет загружен в Сеть. URL: <https://spacemorgue.com/ray-kurzweils-wildest-prediction/> (дата посещения: 05.05.2024).

² См.: Кравец И. А. Бионейроконституционализм и достоинство: теоретические основы, диалог этических и юридических требований и перспективы взаимодействия // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 5–22.

³ Счастнев А. Ученый предупредил о риске краха человечества всего через два года. URL: https://pervoe.online/news/student-v-mire/45774-uchenyu_predupredil_o_riske_krakha_chelovechestva_vsego_cherez_dva_goda/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 03.06.2024).

⁴ Боровцов И. В. Академическая свобода и демократическое действие: связь постклассической теории права и теории демократии // Постклассические исследования права. Санкт-Петербург, 2023. С. 319–330.

институтов, в том числе и институтов права. В российской правовой системе особое место занимает уголовное право, призванное специфическими и легитимными приемами и методами обеспечить охрану важнейших общечеловеческих ценностей, благ, провозглашенных Конституцией Российской Федерации, от различных противоправных посягательств.

Решение указанных задач законодатель возлагает на Уголовный кодекс Российской Федерации — кодифицированный нормативный правовой акт, в котором закрепляются охранительно-предупредительные и уголовно-регулятивные юридические предписания.

В представленной статье с использованием различного методологического инструментария исследуется одна из значимых научных уголовно-правовых проблем — категория «общественная опасность». Полагаем, что уголовно-правовая категория общественной опасности имеет важное научно-практическое значение, определяющее социальную полезность уголовного законодательства и уголовно-правовой науки.

Последнее формулируется в нем с использованием различных юридико-технических приемов¹. Одним из самых распространенных и часто применяемых приемов следует назвать дефиницию².

Дефиниция в уголовном законодательстве — один из способов изложения юридического материала, должна отвечать требованиям четкости, ясности, краткости: она служит показателем юридико-технической зрелости, правовой культуры, логической стройности и стабильности, вносит унифицированность в правоприменительную деятельность³, поэтому не случайно законодатель уделяет дефинированию уголовно-правовых положений особое внимание. Примером может служить использование в законодательстве словосочетания «общественная опасность».

В этой связи считаем необходимым и оправданным с научной и практической точки зрения изучение словосочетания «общественная опасность» проводить с применением филологического и правового инструментария. Используемое в уголовно-правовых конструкциях словосочетание включает два базовых слова «общественный» и «опасность».

В филологических источниках «общественный» определяется, исходя из однокоренного слова «общество», как связанный с деятельностью людей в обществе⁴. Общество — это совокупность людей, объединенных исторически обусловленными формами совместной жизнедеятельности. Круг людей, объединенных общностью положений, происхождений, интересов. Добровольное, постоянно действующее объединение людей для какой-нибудь цели. Та или иная среда людей, компания, совместное пребывание с кем-нибудь⁵.

Опасность — возможность, угроза чего-нибудь очень опасного, очень плохого, какого-либо несчастья, опасный — способный вызвать, причинить какой-нибудь вред, несчастье⁶.

Общественная опасность как уголовно-правовая категория обладает социально-правовой значимостью и в этих условиях приобретает новую специфическую качественную юридическую оценку, совершенного противоправного деяния. В данном случае общественную опасность следует понимать как опасность для всех общественных отношений⁷. Однако, как показало проведенное исследование в юридической науке, в том числе и в уголовно-правовой науке, категория «общественная опасность», несмотря на высокую социально-правовую значимость, остается малоизученной, а в ряде научных учебных работ она не рассматривается вообще. Такая ситуация отрицательно

¹ См.: Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. Москва: Юристъ, 1999. С. 373; Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. Москва: Эксмо, 2008. С. 170–175.

² Дефиниция (от лат. *definitio* — «ограничение») — определение, понятие, раскрытие понятия путем перечисления его признаков, то есть путем указания на содержание понятия. См.: Философский энциклопедический словарь. Москва, 1997. С. 132; Определение, истолкование понятия. См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва, 1990. С. 166; Краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные признаки предмета или явления. См.: Словарь иностранных слов. Москва, 1990. С. 162.

³ См.: Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. Москва: Юристъ, 1999. С. 373; Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. Москва: Эксмо, 2008. С. 170–175.

⁴ См.: Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов; под общ. ред. академика С. П. Обнорского. 3-е изд. Москва, 1952. С. 392.

⁵ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. Москва: Русский язык, 1990. С. 438.

⁶ См.: Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов; под общ. ред. С. П. Обнорского. 3-е изд. Москва, 1952. С. 451.

⁷ См.: Дурманов Н. Д. Понятие преступления. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. С. 136.

сказывается на правоприменительной практике, снижает превентивную силу сформулированных уголовно-правовых регламентов.

Общественная опасность в доктринальных источниках. В российской уголовно-правовой доктрине доминирующей признается точка зрения, согласно которой общественная опасность является определяющей сущностно-содержательной категорией уголовного закона. Она пронизывает все основные положения, характеризующие преступления, и означает, что совершаемое противоправное деяние (преступление) вредоносно по своему содержанию и характеру, причиняет или создает угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

А. А. Пионтковский общественную опасность деяния определял как социально-политическую категорию, характеризующую преступность деяния, его объективные общественные свойства¹.

А. И. Марцев под общественной опасностью понимал как функционирующую независимую уголовно-правовую категорию, признаваемую или не признаваемую в уголовном законодательстве и доктрине².

В свою очередь А. В. Бриллиантов, М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин общественную опасность рассматривают как уголовно-политический ориентир для распределения энергии и силы государственного реагирования на преступность, включающий не только вредоносность, но и создание реальной угрозы его причинения³.

По мнению А. В. Наумова, общественная опасность — это способность предусмотренного уголовным законом деяния причинять существенный вред охраняемым уголовным законом объектам (интересам)⁴.

Общественная опасность в уголовном законодательстве. Общественная опасность как юридическая категория закреплялась в первых нормативных правовых актах советской власти. Подтверждением этому могут служить уголовно-правовые памятники советского периода. В Руководящих началах по Уголовному праву РСФСР 1919 года⁵ *общественная опасность* (курсив наш. — А. П.) как классовая категория являлась одной из базовых, значимых признаков преступления и формулировалась применительно к различным уголовно-правовым положениям. Применительно к преступлению — это действие или бездействие, опасное для системы общественно-правовых отношений (ст. 6); применительно к определению наказания за совершенное преступление, общественная опасность оценивалась исходя из степени, характера и свойств опасности для общества как самого преступления, так и совершенного им деяния (ст. 11)⁶.

В УК РСФСР 1922 года общественная опасность деяния характеризовалась как угроза основам советского строя и правопорядка, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени (ст. 6)⁷. В данном нормативном акте словосочетание «общественная опасность» законодатель использует не только при формулировании преступления (ст. 6), под которым понимает всякое общественно опасное действие или бездействие, но и раскрывает его признаки, а именно, включая опасность лица, обнаруживается совершением действий, вредных для общества или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному порядку⁸.

В Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года общественная опасность определялась через раскрытие задач, где в преамбуле указывалось на то, что уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик имеет своей задачей

¹ См.: Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права: в VI т. Часть общая. Т. II. Преступление. Москва: Изд-во «Наука», 1970. С. 131.

² См.: Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск: Омский юридический институт МВД России, 2000. С. 13.

³ См.: Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении. Москва: Юрлитинформ, 2009. С. 24; Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. Москва: Проспект, 2014. С. 33; Бриллиантов А. В. Степень общественной опасности деяния и административная преюдиция // Российское правосудие. 2016. № S1. С. 254–259; Пудовочкин Ю. Е. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Российское правосудие. 2019. № 10. С. 70.

⁴ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. Т. 1. Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Юридическая литература, 2004. С. 156.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. 1919. № 66, ст. 590.

⁶ Там же.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. 1922. № 15, ст. 153.

⁸ Там же.

судебно-правовую защиту трудящихся от общественно опасных деяний, подрывающих власть трудящихся или нарушающих установленный ею правопорядок. Как видно, материальный признак преступления раскрывался через объект посягательства — интересы власти трудящихся, то есть интересы социалистических правоотношений¹.

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года в статье 6 законодатель дает определение общественной опасности и формулирует ее следующим образом: «Общественно опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени». Одновременно с этим в статье 7 конкретизируется мера социальной защиты назначаемым лицам «совершившим общественно опасное действие или связанное с преступной средой»².

В Основах уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик 1958 года категория «общественная опасность» включала в себя материальный признак преступления и указывала на объект посягательства — интересы социалистических правоотношений, определялась как «посягательство на советский общественный или государственный строй СССР, социалистическую систему хозяйствования, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, а равно иное посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом»³. В данном случае признаки, характеризующие общественную опасность, законодатель сформулировал достаточно подробно.

Впоследствии данное определение без каких-либо редакционных коррективов было продублировано в статье 7 УК РСФСР 1960 года. Одновременно с этим в статье 1 данного правового акта указывалось, что для осуществления задач Уголовный кодекс РСФСР определяет, какие общественно опасные деяния признаются преступлениями, устанавливает наказание, подлежащее применению к лицам, совершившим преступление; «преступлением признается общественно опасное деяние (действие или бездействие)»⁴. Таким образом, законодатель словосочетание «общественная опасность» использует для дефинирования понятия «преступление» и формулирования задач.

Не явился исключением и принятый 24 мая 1996 года Уголовный кодекс Российской Федерации, в котором словосочетание «общественная опасность» используется при формулировании принципов: вины (ст. 5), справедливости (ст. 6); характеристики преступлений: понятие преступления (ст. 14), категория преступлений (ст. 15); конкретизации форм вины: прямого и косвенного умысла и неосторожности.

Законодательное закрепление, по мнению Н. Ф. Кузнецовой, выражается в трех вариантах: указанием на объект посягательства; указанием на вредоносность деяния; сочетанием объекта посягательства и вредоносностью деяния⁵.

Проведенное исследование законодательных памятников показывает, что категория «общественная опасность» постоянно менялась, в первом случае характеризовалась (отражала) классовый характер, во втором случае раскрывалась оценка классовых признаков относительно объекта противоправного посягательства, в третьем случае служила основным критерием криминализации и декриминализации деяний.

Изложенные выше положения, характеризующие общественную опасность как уголовно-правовую категорию, позволяют выделить ее следующие признаки:

- объективное свойство преступления, материальный признак, внутреннее свойство преступного деяния, раскрывающее его социальную сущность (природу), независящее от воли законодателя;
- основной критерий криминализации и декриминализации деяний, характеризующий объективные и субъективные признаки деяний, позволяющих определить целесообразность установления уголовно-правового запрета;
- объективное свойство деяний, определяемое причиненным вредом обществу, позволяющее отграничивать преступные деяния от других правовых деликтов;

¹ Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. № 80, ст. 153.

² Собрание узаконений РСФСР 1926. № 80. С. 600.

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 1.

⁴ Там же. 1960. № 40, ст. 591.

⁵ См.: Кузнецова Н. Ф. Указ. соч. С. 261.

— характеризует вредоносность, выражающуюся в причинении либо в создании угрозы причинения ущерба охраняемым уголовным законом интересам;

— закрепляется в системе уголовного законодательства и обладает количественными и качественными характеристиками:

а) количественная сторона общественной опасности определяется тяжестью наступивших последствий, способом преступного посягательства, формой вины;

б) качественная сторона общественной опасности определяется объектом преступного посягательства: чем значимее объект, тем выше характер посягательства;

— многокомпонентная социально-правовая категория — результат законотворческой деятельности, включающий в себя уголовно-правовые, уголовно-исполнительные, уголовно-процессуальные, криминалистические, организационно-управленческие признаки.

Лановая Галина Михайловна,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя

О критериях научности юридического знания

Вопрос о критериях научности знания актуален для любой науки, и юриспруденция не является исключением. От правильности и точности выбора названных критериев зависят объективность оценки результатов исследовательского труда, возможность отграничения идей и концепций, служащих приращению знания, от фантазий, ложных гипотез и псевдонаучных теорий, а также вероятность обнаружения демаркационной линии между наукой и идеологией, приобретшей наукообразный вид. Следовательно, правильное и точное определение критериев научности юридического знания имеет чрезвычайно высокую значимость для стимулирования таких изменений в юридической науке, которые могут способствовать повышению ее роли в жизни современной России.

Несмотря на очевидную важность, проблема критериев научности знания удовлетворительно решена в юриспруденции до сих пор не получает. Этому способствуют два обстоятельства. Во-первых, последовательная смена типов рациональности привела к формированию в современной философии науки и науковедении нескольких подходов к решению вопроса о критериях научности знания, синтезировать которые практически невозможно. В этих условиях выработка единого, общепризнанного мнения относительно критериев научности юридического знания объективно затрудняется. Во-вторых, на юриспруденцию необратимым образом влияет то, что «массовый характер интеллектуальной деятельности порождает новый вид социальной фобии — страх утраты собственной индивидуальности»¹. В этой ситуации неизбежно появляется множество не связанных друг с другом и замкнутых на самих себе «авторских» решений вопроса о критериях научности юридического знания, прикладная ценность которых не всегда очевидна.

Бесспорно, рассуждения о критериях научности юридического знания могут быть продуктивными, будучи сопряженными с обоснованием принципиально новых, оригинальных идей, однако важно понимать, что новизна той или иной концепции сама по себе не является гарантией ее правильности, корректности. В этой связи имеет смысл прежде всего обратиться к уже известным и апробированным на практике подходам к определению критериев научности, соответствующим трем основным известным истории науки типам рациональности, — классическому, неклассическому и постнеклассическому.

В рамках рациональности классического типа основным критерием научности знания предстает истинность — его адекватность реальности, достигаемая за счет очищения процесса познания от субъективизма².

¹ Чеснокова М. Г. О социокультурных основаниях типов рациональности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2012. № 1 (5). С. 98.

² См.: Ключков В. В. Знание и невежество в юридической науке // Известия ЮФУ. Технические науки. 2008. № 10 (87). С. 145; Тюменева Н. В. Особенности применения универсальных критериев научности в юриспруденции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. № 1. С. 84–85; Чеснокова М. Г. О социокультурных основаниях типов рациональности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2012. № 1 (5). С. 96.